

МАРГАРИТА КОНСТАНТИНОВНА ГРИНВАЛЬД. КОНТУРЫ БИОГРАФИИ

Маргарита Константиновна Гринвальд не была крупным историком, деятельностью которых обычно занимаются историографы. Но жизнь, прожитая ею, настолько характерна для петербургской интеллигенции определенного круга и эпохи, что данная статья, продиктованная желанием спасти от забвения следы благородного и незаурядного человека, может, как нам думается, иметь и несколько более широкое значение.

Маргарита Константиновна Гринвальд (в ранних документах фамилия иногда писалась «Грюнвальд») родилась 10 октября 1891 г. в Петербурге в семье (по-видимому) прибалтийско-немецкого происхождения. К сожалению, мы не располагаем скольконнибудь надежными сведениями о ее родителях и молодых годах, несмотря на воспоминания, опубликованные в Париже ее старшим братом Константином Константиновичем Грюнвальдом.¹ В книге «Белые ночи Петербурга» он рассказывает, что его отец был адвокатом, состоятельным человеком, вращался в привилегированных сферах, но после ранней смерти жены, матери автора, уехал за границу, где несколько лет занимался предпринимательской деятельностью, вернулся в Петербург с женой американкой, не говорившей по-русски, и умер в начале XX в. Мачеха и сводный брат вскоре вернулись в США.² О сестре К. К. Грюнвальд в этой части своих мемуаров вообще не упоминает, и из его изложения не ясно, была ли она дочерью их отца от первого или от второго брака.

Сама М. К. Гринвальд в служебных анкетах, заполненных в 1940-х—начале 1950-х гг., сообщала, что ее отец Гринвальд Константин Михайлович, русский, служащий, кандидат права, умер в 1904 г., мать Елена Михайловна, русская, домохозяйка, к тому времени также умерла. Бывшее сословие родителей: отец дворянин, мать мещанка.³ На достоверность сведений, сообщаемых в такого рода документах, по понятным причинам не следует полагаться. Так, в анкетах М. К. Гринвальд отрицательно отвечала на вопросы о судебных репрессиях и наличии родственников за границей. Отметим также, что во всех анкетах на вопрос о национальности М. К. Гринвальд всегда отвечала: русская. Однако в свидетельстве об окончании Бестужевских курсов, находящемся в личном деле, вероисповедание ее определяется как евангелически-лютеранское, что едва ли свидетельствует об «исконно русском» происхождении. Можно предполагать, что мать М. К. Гринвальд была американкой. 16 ноября 1905 г. четырнадцатилетняя Маргарита Гринвальд писала из Парижа М. А. Волошину: «Приехала мама, и я стала американкой по своей хамелеонской натуре».⁴ До Первой мировой войны она с матерью подолгу жила за границей.

По окончании с золотой медалью гимназии Е. В. Ставиской в Петербурге М. К. Гринвальд поступила на историко-филологический факультет Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов, которые и окончила в 1916 г. по группе философии. Едва ли не единственным отражением в печати ее занятий философией является перевод статьи «Введение в метафизику» знаменитого французского философа Анри Бергсона.⁵ По-видимому, М. К. Гринвальд в молодости не чужды были и литературно-художественные

интересы и тяготения. Лето 1909 г. она провела в Коктебеле на даче М. А. Волошина,⁶ где в это время гостили также Н. С. Гумилев, А. Н. Толстой с женой С. И. Дымшиц и художник К. Ф. Богаевский.⁷ Была она знакома и с художником Д.И. Митрохиным.

Вскоре после окончания Бестужевских курсов интерес к истории, очевидно, переселился у М. К. Гринвальд влечение к философии. Возможно, здесь сыграл роль и личный момент — знакомство с проф. Е. В. Тарле, которое, судя по всему, что нам известно, сыграло очень большую роль в ее жизни. С 1920 г. М. К. Гринвальд стала аспиранткой (по тогдашней терминологии «оставленной») при кафедре новой истории Петроградского университета, с которым были объединены Бестужевские курсы, избрав своей специальностью историю Англии XIX в. В 1918–1920 гг. она работала библиотечным инструктором и давала уроки иностранных языков, а с 1920 г. являлась штатной преподавательницей английского языка в Институте народного хозяйства и Электротехническом институте в Петрограде, что и определяло ее, так сказать, «гражданское лицо» в 1920-е гг.

Маргарита Константиновна поддерживала дружеские отношения с дочерьми С. Ф. Платонова Ниной и Натальей, которые также занимались историей у Тарле, и в дневниках их матери Надежды Николаевны сохранилось несколько упоминаний о ней (из которых, между прочим, видно, что она считала М. К. еврейкой).⁸

М. К. Гринвальд приняла участие во всех четырех номерах журнала по всеобщей истории «Анналы», выходившего в 1922–1924 гг. в Петрограде под редакцией Ф. И. Успенского и Е. В. Тарле. Она опубликовала здесь цикл рецензий на освещавшие эпоху Первой мировой войны мемуары кайзеровского министра К. Гельфериха, американского государственного секретаря Р. Лансинга, английского морского министра лорда Фишера, жены английского премьер-министра Марго Асквит.⁹ К этой же категории принадлежит напечатанная в «Морском сборнике» статья М. К. Гринвальд о мемуарах министра иностранных дел Великобритании Эдуарда Грея.¹⁰

В 1920-е гг. М. К. Гринвальд много занималась и переводческой работой. С немецкого языка она перевела отрывки мемуаров К. Гельфериха и воспоминания австро-венгерского министра иностранных дел графа О. Чернина,¹¹ с французского — работу Шарля Шмидта о революции 1848 г.,¹² с английского — роман Джека Лондона «Маленькая хозяйка большого дома».¹³

В 1925 и 1927 гг. М. К. Гринвальд ездила для научных занятий за границу — в Англию и во Францию. Она работала в библиотеках и архивах Лондона и Парижа, но, к сожалению, мы не знаем каких-либо подробностей ее пребывания в Европе, где она, вероятно, встречалась с братом и другими старыми знакомыми и друзьями.

Как известно, в Ленинграде в 1920-е гг. существовали многочисленные неформальные кружки гуманитарной интеллигенции, возникавшие отчасти на профессиональной, отчасти на мировоззренческой основе. Они давали известную возможность профессионального общения, после того как важнейшие отрасли неказенной исторической науки были изгнаны из университета, и, кроме того, эти встречи и дискуссии являлись своеобразным духовным прибежищем для людей, не находивших себе места в новом обществе.

М. К. Гринвальд входила в несколько таких кружков. Наиболее известный из них — «Кружок молодых историков», участниками которого были С. И. Тхоржевский, Г. П. Федотов, Н. С. Штакельберг, Б. А. Романов, А. Н. Шебунин, С. Н. Валк, Н. С. Цемш, М. К. Гринвальд, Н. С. Платонова и Н. С. Платонова-Измайлова, А. Н. Насонов, С. М. Данини, П. А. Садиков и ряд других молодых тогда людей; некоторые из

них стали впоследствии выдающимися учеными. Патронами кружка были профессора Е. В. Тарле и А. И. Заозерский, изредка бывал С. Ф. Платонов. Кружок собирался в 1921–1927 гг. по большей части на квартирах своих членов. На заседаниях читались и обсуждались научные доклады, происходили дискуссии на разные темы; имела место и скромная «светская жизнь»: вечеринки с чаем, шуточными стихами и иногда с танцами.¹⁴ Н. С. Штакельберг пишет, что из «маститых» гостей наиболее «своим» был для членов кружка Е. В. Тарле: «Тарле был близок к университетской молодежи, очень неравнодушен к женской ее части вообще, был близок с М. К. Гринвальд и не казался нам старым».¹⁵ По ее словам, М. К. Гринвальд читала доклад «по проблемам истории Англии эпохи Питта»;¹⁶ выступала она и с рассказом о своей заграничной поездке. Н. С. Штакельберг приводит в своих воспоминаниях посвященные М. К. Гринвальд шуточные строки С. И. Тхоржевского, который был мастером этого жанра:

Здесь в лорнет глядит она,
А умом погружена
В мир вождей великих бриттов
Дизразли, Фокса, Питта...
Это Гринвальд Маргарита.¹⁷

Гораздо меньше мы знаем о «Кружке новых историков», учеников Н. И. Кареева, собиравшемся у него на квартире, в котором тоже принимала участие М. К. Гринвальд.¹⁸ Посещала она и собрания известного религиозно-философского кружка «Воскресение», который возглавляли А. А. Мейер, Г. П. Федотов и Н. П. Анциферов, хотя нигде М. К. Гринвальд не фигурирует в качестве сколько-нибудь заметной его деятельницы.

Именно в связи с делом кружка «Воскресение», который ГПУ «раскрыло» как контрреволюционную монархическую организацию (в действительности он носил христианско-демократический характер), М. К. Гринвальд была арестована в конце 1928 или начале 1929 г. и после соответствующего «следствия» и пребывания в Доме предварительного заключения на (ДПЗ) Шпалерной приговорена к пяти годам заключения в концлагере.

29 июня 1929 г. Е. В. Тарле написал письмо директору Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д. Б. Рязанову: «Маргарита Константиновна Гринвальд по слухам, находится под угрозой ссылки в концлагерь на пять лет!! Дело переслано в Москву и вся надежда на смягчение ее участи — это если Вы захотите замолвить о ней прокурору Республики Крыленко: теперь от него зависит все. Все, сколько-нибудь ее знающие, убеждены, что все дело в недоразумении... Давид Борисович! Никогда Вы не отказывались сделать доброе и справедливое дело. Не откажитесь и на этот раз».¹⁹ Но ни Тарле, ни Рязанов ничего сделать не могли; оба они вскоре — один через полгода, второй через два — сами были арестованы.

Заключение М. К. Гринвальд отбывала в Соловецком концлагере. По сообщению хорошо знавшего ее ленинградского историка С. В. Сигриста, попавшего туда несколько позже, «М. К. Гринвальд, мой близкий друг до ареста и в концлагере на Лей-Губе, Май-Губе и Сегеже <...> в лагере перенесла сыпняк, а после него работала медсестрой»²⁰ (она имела опыт работы в военном госпитале в годы Первой мировой войны). Н. П. Анциферов вспоминал, как в день его именин «моя одноделица Маргарита Константиновна Гринберг (ошибка памяти: Гринвальд. — Б. К.) угостила меня чашкой какао. Как это ей удалось, понять не могу».²¹ В 1930 г. Маргариту Константиновну, как и ряд других ранее осужденных, доставили в Ленинград, где разворачивалось «Академическое дело»,

одним из главных обвиняемых по которому был Е. В. Тарле, поместили в ДПЗ и вновь допрашивали, а затем отправили назад в Соловецкий лагерь досиживать свой срок.

Отбыв 5-летнее заключение, М. К. Гринвальд в 1934 г. вернулась в Ленинград. Несколько месяцев она преподавала английский язык в университете и перевела на английский язык путеводители по Ленинграду и Царскому Селу, которые были выпущены для интуристов Управлением дворцами и парками Ленсовета.²² Она возобновила контакты с Е. В. Тарле, который вернулся в Ленинград из алма-атинской ссылки в начале 1933 г., и, в частности, слушала курс его лекций по колониальной политике западноевропейских государств в XV–XIX вв.

Весной 1935 г., в период массовых выселок из Ленинграда после убийства Кирова «подозрительных элементов», М. К. Гринвальд была выслана на три года в Уфу. К сожалению, о последующих десяти годах ее жизни мы не знаем почти ничего, кроме кратких записей в анкетном листе. С 1936 по 1939 г. она преподавала английский язык в Башкирском сельскохозяйственном институте, а в 1939 г. ей удалось перебраться в Иваново, где она работала старшим преподавателем английского языка Ивановского пединститута и некоторое время даже исполняла обязанности заведующего кафедрой.²³ В 1944 г. М. К. Гринвальд сдала кандидатский минимум по истории в Московском университете, в чем, как можно предполагать, ей оказал содействие Е. В. Тарле, который в это время был профессором Московского университета.

В 1945 г. М. К. Гринвальд, награжденная медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», вернулась в опустевший после блокады Ленинград и с 1 сентября 1945 г., также несомненно по рекомендации Е. В. Тарле, была зачислена старшим преподавателем на кафедру английского языка Ленинградского университета. Ее давняя знакомая Любовь Васильевна Шапорина, к тому времени уже бывшая жена композитора Ю. А. Шапорина, записала 7 ноября 1945 г. в своем дневнике: «Вчера у меня была Марг. Конст. Грюнвальд, наконец вернувшаяся из своих 10-летних мытарств; я мало кого так уважаю, как ее. Вопиющие несправедливости ее никак и нисколько не озлобили, все такая же мягкость и любовь к людям, любовь к молодежи, светлый взгляд на жизнь. Она преподает английский в университете, пишет диссертацию по истории. Подлинный аристократизм духа».²⁴

Однако мытарства М. К. Гринвальд отнюдь не кончились, о чем свидетельствует запись в дневнике Л. В. Шапориной, сделанная через год, 5 ноября 1946 г.: «С неделю тому назад пришла ко мне Марг. Конст. Гринвальд. Весь прошлый год, вернувшись из Иванова, она преподавала английский в ун-те, составила блестящую историко-политическую хрестоматию для студентов, подготовила диссертацию, была прописана. И вдруг, в августе — приказ уехать из Ленинграда, жить не ближе 101 км. Кто-то (вероятно, Тарле) был у Шикторова,²⁵ долго его упрасивал, причем Шикт[оров] ему говорил — вы не все знаете. Наконец Ш[икторов] обещал разрешить ей остаться. Но через несколько дней Тарле позвонил секретарь Ш[икторова] Соловьев, что разрешения не последовало, М. К. уехала в Вишеру и там кончала диссертацию. Она приехала сюда за вещами, чтобы ехать в Иванов. Я стала ее уговаривать пойти самой к Шикторову или, по крайней мере, его секретарю, но она и слышать не хотела: слишком натянутые были нервы, чтобы вновь приниматься за бесплодные хлопоты. М. К. у меня ночевала, отдохнула на хорошей кровати и в конце концов поддалась моим уговорам. Решили, что она пойдет в НКВД и постарается добыть по телефону секретаря (надо сказать, что недели 2 тому

назад М. К. послала письмо этому самому Соловьеву, но ответа не получила). Через полчаса она вернулась ко мне. Капитан Соловьев назначил ей прийти на следующий день. Она захватила с собой свою хрестоматию и диссертацию. Соловьев взял ее “дело”, стал его перелистывать. „Бывает, бывает, — говорил он, — и из-за таких пустяков вас мучили... Когда это было, ведь это был ем поросло”. Взяв у М. К. заявление, снес Шикторову на подпись — разрешили прописку на 6 месяцев и посоветовали вновь хлопотать о снятии судимости. А судили ее в 30-м году, сослали на Беломорканал на 3 года. Вернувшись, она была прописана здесь. В 35-м году высылка в Уфу на 3 года — затем переехала в Иванов. Следовательно, судимости ее уже 16 лет — и она все еще не снята!!! М. К. пришла прямо ко мне: „Вы моя благодетельница — если бы не вы, я бы ни за что не решилась бы на этот шаг”. А эти-то мерзавцы, отказывая Тарле, о чем думали?».²⁶

Мы не знаем, продолжали ли «органы» и далее окружать своим вниманием М. К. Гринвальд, по-видимому, ей пришлось еще заниматься продлением прописки, но во всяком случае она осталась в Ленинграде. В доме Тарле она была своим человеком, что показывают, в частности, письма Евгения Викторовича к сестре М. В. Тарновской.²⁷ Е. В. Тарле был для Маргариты Константиновны не только ее главным научным консультантом, но и обожаемым учителем и другом. Именно она после войны, по сообщениям М. Б. Рабиновича и Я. Л. Кранцфельда, вспомнила о курсе Е. В. Тарле по истории колониальной политики, читанном в 1933–1934 гг., и добилась того, чтобы он разыскал рукопись и передал ей для подготовки к печати.²⁸

К 1947 г. М. К. Гринвальд завершила диссертацию «Борьба либеральной партии против правительства Биконфильда и внешняя политика Англии накануне и во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.» объемом свыше 400 машинописных страниц. Кроме того, в списке ее трудов, датированном мартом 1948 г., указываются подготовленные к печати исследования «Англия в эпоху Французской революции и Наполеона», «Распад английской консервативной партии в 40-х гг.» и «Восточный вопрос и русско-английские отношения в памфлетах Кобдена», а также хрестоматия на английском языке для студентов-историков «Readings in Modern History».²⁹

Ни одна из научных работ М. К. Гринвальд не увидела, однако, света, и диссертация ее также имела нелегкую историю. Она была успешно защищена в конце 1947 г. на историческом факультете Ленинградского университета. Судя по опубликованным тезисам, работа М. К. Гринвальд представляла собой серьезное и тщательное исследование позиции английской либеральной партии и групп внутри нее по вопросам, связанным с Балканским кризисом 1875–1878 гг., и была выдержана в «объективистском» плане.³⁰ Диссертация долго рассматривалась в ВАКе и в конце концов не была утверждена. Очевидно, это решение было связано с борьбой против «буржуазного объективизма и космополитизма», развернувшейся в СССР в 1948–1949 гг. В июне 1949 г. Е. В. Тарле из-за обстановки, созданной этой кампанией, ушел из Ленинградского университета.³¹

8 июля 1949 г. аттестационная комиссия филологического факультета под председательством Г. П. Бердникова вынесла следующее решение относительно М. К. Гринвальд: «В работе со студентами нетребовательна, неинициативна, однообразна в занятиях <...> Не любит и не умеет заниматься с начинающими, но ведет занятия на старших курсах и с аспирантами. <...> Как старший преподаватель т. Гринвальд не оправдывает себя: ей нельзя поручать младшие курсы и экзамены. Занимаемой должности не соответствует. На работе в Ленинградском гос. ун-те в дальнейшем использована быть не может».³²

С 1 сентября 1949 г. М. К. Гринвальд была переведена на полставки, а затем в отношении ее последовали следующие действия администрации: приказом от 21 июля 1950 г. она была с 5 сентября 1950 г. отчислена из университета «в связи с отсутствием поручений», 25 августа того же года принята на почасовую оплату, а с 1 ноября 1950 г. вновь зачислена в штат, но уже на должность ассистента.³³ Педагогическая нагрузка ее была огромной. М. К. Гринвальд достигла уже пенсионного возраста, но из-за пребывания в лагере ей не хватало для пенсии нескольких лет стажа, и она вынуждена была держаться за работу в университете.

Между тем Е. В. Тарле удалось организовать вторую защиту диссертации М. К. Гринвальд в Московском городском педагогическом институте им. В. П. Потемкина. Диссертация под несколько измененным названием «Отношение либеральной партии к агрессивной и реакционной политике кабинета Дизраэли (Биконсфильда) на Ближнем Востоке в 1875–1878 гг.» была защищена в Ученом совете института 28 января 1952 г. и утверждена ВАКом.³⁴ Оппонентами выступили акад. Е. В. Тарле и доцент И. А. Никитина. Сопоставление автореферата 1951 г.³⁵ с тезисами 4-летней давности приводит к выводу, что на защиту была вынесена по существу та же самая работа, обогащенная ссылками на «классиков марксизма-ленинизма», выпадами против «буржуазной историографии» и общим положением, что в основных вопросах внешней и внутренней политики либеральная партия отличалась от консервативной только тактикой и более искусной маскировкой своих устремлений. Таков был обязательный узус 1951–1952 гг.

Получение ученой степени не помешало, однако, некоторым деятелям вновь попытаться удалить М. К. Гринвальд из университета, и 15 июля 1952 г. Е. В. Тарле обратился к проректору ЛГУ И. И. Иванову-Омскому с письмом, в котором «всецело поддерживал» ходатайство М. К. «об оставлении ее в занимаемой ею должности до очень уже близкого срока выслуги ею пенсии», заявляя, что «ее устранение буквально без каких бы то ни было законных оснований и вопреки мнению факультета было бы актом поистине вопиющей несправедливости».³⁶ Хотя официально против М. К. Гринвальд политические обвинения не выдвигались, трудно отделаться от мысли, что в основе столь настойчивого стремления избавиться от этой скромной и высокообразованной женщины лежала ее биография, которая, конечно, несмотря на все анкетные умолчания, была известна соответствующим учреждениям. Вероятно, изменившаяся после смерти Сталина политическая обстановка способствовала тому, что М. К. Гринвальд смогла дослужиться в должности ассистента до пенсии и вышла на нее с 1 октября 1956 г.³⁷

Жизнь М. К. Гринвальд не исчерпывалась университетом, где — пора наконец назвать вещи своими именами — ее постоянно унижали и эксплуатировали. По-видимому, у нее был круг друзей, в общении с которыми она находила опору и отдушину («многодонная жизнь вне закона», по словам Мандельштама). Одним из таких людей была Л. В. Шапорина, женщина умная, смелая и, как сказали бы позднее, настроенная диссидентски. 24 декабря 1950 г. Л. В. Шапорина записала в дневнике: «Я очень люблю Марг. Конст. Гринвальд. Очень ценю ее благородство, чистоту души, незлобивость. Она то уж не предаст ни за что. Я была сегодня у нее. Скольким людям она помогала в своей жизни».³⁸ Среди наиболее интересных упоминаний Гринвальд в дневниках Шапориной следует отметить запись 21 октября 1952 г. о совместном посещении переводчика М. Л. Лозинского и беседе с ним и его женой,³⁹ а также рассказ о встрече у нее дома А. А. Ахматовой и М. К. Гринвальд 21 сентября 1955 г. «Первое, что ее спросила М. К.:

„Как дела ее сына”, — пишет Шапорина, и, передав рассказ Ахматовой о ее хлопотах за Л. Н. Гумилева, замечает: М. К. сказала, что предполагается амнистия по 58 ст.».⁴⁰ Очевидно, А. А. Ахматова и М. К. Гринвальд были достаточно хорошо знакомы, в противном случае такой разговор был бы невозможен.⁴¹

Интересна для характеристики умонастроения М. К. Гринвальд более ранняя запись в дневнике Л. В. Шапориной от 26 февраля 1954 г.: «На днях я была у Марг. Конст. и советовалась с ней. Все последнее время я мысленно сочиняла письмо Маленкову. Мне хотелось ему написать следующее: Берия казнен, его предшественников Ежова и Ягоду постигла та же участь. Все они оказались вредителями. Почему же дела их живы и апробированы тем самым правительством, которое их казнило. Почему не пересмотрены дела миллионов сосланных, сидящих в лагерях или после отбытия наказания оставленных пожизненно в таких углах, куда и Макар телят не гонял. Марг. Конст. на это мне ответила: „У вас есть сын, внуки, друзья, которым будет грустно, когда вас сошлют. Неужели они и без вас этого не знают?”. И она рассказала мне, что, когда она еще жила не то в Уфе, не то в Иванове, она приехала в Москву и, встретив у приятельницы ее большого друга, крупного коммуниста, рассказала ему все обстоятельства своего дела и просила совета, как хлопотать о снятии судимости. На это он ей ответил: „Не думаю, чтобы это вам удалось. Вы слишком ни в чем не виноваты, чтобы пересматривать ваше дело”».⁴² По-видимому, никаких надежд и иллюзий у М. К. Гринвальд не оставалось. Но доброта и верность моральному долгу были частью ее натуры. Так, она едва ли не единственная навещала в инвалидном доме в Калининской области свою приятельницу по кружкам 1920-х гг. и лагерю М. Э. Либталь, которая попала туда после инсульта и частичного паралича.⁴³

Огромной потерей для М. К. Гринвальд была смерть 6 января 1955 г. Евгения Викторовича Тарле, которого она горячо любила многие годы. После войны Тарле жил по большей части в Москве, сохранив свою квартиру на Дворцовой набережной в Ленинграде, где частой гостью бывала Маргарита Константиновна. Когда Тарле умирал после кровоизлияния в мозг, она приехала в Москву. Трогательным человеческим документом является письмо М. К. Гринвальд к сестре Е. В. Тарле Марии Викторовне Тарновской, датированное 28 марта 1955 г.

«Дорогая Манечка,

очень обрадовалась первой весточке от Вашей руки и жалею, что не ответила сразу... Про мое письмо первое, я думаю, Вы забыли в связи с Вашим состоянием в первые страшные дни... Я была очень удивлена и тронута, когда Ольга Григорьевна⁴⁴ в самом деле вдруг заявила мне, что часики с ее руки она завещает мне... Мне было утешением, что она была довольна моим приездом и присутствием, сама все время подзывала меня к нему в первые дни, когда я опасалась и того, что она будет мною недовольна, и того, как реагирует он в минуты сознания — и тогда и потом она много со мной говорила, обязательно хотела иметь комнату в Ленинграде... Кабинет я посетила только неделю тому назад, когда он уже опустел. Нева поднялась, вся в льдинах и снегу, утро было туманное — но вид, который он так любил, неизменно прекрасен. Как он, как его прекрасная, мятежная, впечатлительная и одинокая душа... Целую Вас, дорогая, и прошу верить в мою дружбу. Жду ответа. Маргарита».⁴⁵

Выйдя на пенсию, М. К. Гринвальд давала уроки языков и занималась переводами. Вышла в свет ее хрестоматия, составленная 10 лет назад.⁴⁶ Как вспоминает А. Н. Ца-

мутали, в Публичной библиотеке М. К. Гринвальд делала переводы с листа с разных языков и пользовавшиеся ее услугами исследователи называли ее «королевой перевода». Она принимала участие в деятельности объединения бестужевков, возникшего в Ленинграде в конце 1950-х гг. — одной из немногих действительно общественных организаций, существовавших в Советском Союзе.

В 1958 г. после 40-летнего отсутствия в СССР приезжал брат Маргариты Константиновны К. К. Грюнвальд. Свою встречу с сестрой он описал в книге «Белые ночи Петербурга»: «Долгие годы, со времени начала Второй мировой войны я не имел никаких известий от своей сестры; я даже не знал, где она находится. Достаточно было обратиться по телефону в справочное бюро, чтобы получить номер ее телефона; она села в такси и через полчаса я обнимал ее и слушал ее историю. После революции, хотя она и не имела соответствующего диплома, ей предложили в университете кафедру английского языка. Но вскоре начался период, который эвфемистически называют „культуром личности“. Этот культ, как известно, относился только к одной единственной личности, все остальные и в первую очередь так называемые „бывшие“ подвергались преследованиям. Она разделила общую судьбу, пережив ссылку и концлагеря. Но это избавило ее от самого страшного: высланная на Урал, она была вдали от Ленинграда, когда его осаждали немцы и когда от голода и холода погибла половина его жителей. Теперь она вновь живет в городе, получает пенсию, окружена друзьями и молодыми учениками, которые называют ее „баронессой“, поражаясь, как смогла она сохранить не только свежесть ума, но и хорошие старые манеры. Она ни на что не жаловалась и, полная смирения, рассматривала перенесенные репрессии как „историческую неизбежность“».⁴⁷ Это единственное упоминание Маргариты Константиновны в книге брата, причем, как видим, он даже не называет ее по имени.

Наиболее важным делом М. К. Гринвальд в последний период ее жизни была подготовка к печати неопубликованных работ Е. В. Тарле. Как известно, в 1957–1962 гг. было выпущено 12-томное собрание его сочинений. Главный редактор издания А. С. Ерусалимский в ноябре 1960 г. обратился к М. К. Гринвальд со следующим письмом:

«Глубокоуважаемая Маргарита Константиновна!

Из беседы с проф. А. Л. Нарочницким членам редакционной коллегии по изданию Сочинений акад. Е. В. Тарле стало известно, что Вы в течение многих лет работаете над подготовкой к печати рукописи Е. В. Тарле, посвященной истории колониальной политики европейских держав в XVII и XVIII вв. Редакционная коллегия обращается к Вам с просьбой предоставить эту рукопись для ознакомления. Мы надеемся, что благодаря Вашему труду рукопись находится в таком состоянии, что она может быть включена в подготавливаемый к печати XII (последний) том сочинений Е. В. Тарле».⁴⁸

23 мая 1961 г. М. К. Гринвальд писала секретарю редколлегии А. Г. Чернову: «На прошлой неделе послала в Москву проф. А. Л. Нарочницкому пять машинописных очерков Евгения Викторовича, каждый очерк от 50 до 55 страниц машинописи... Они представляют собой около половины всей работы. Называю ее очерки, а не лекции, потому что в данном виде ядро работы состоит из оригиналов Е. В., а лекционный материал привлечен для связи и дополнения их... Работаю по мере сил. Завет Е. В. для меня главное — и жалею, что этих сил не больше».⁴⁹ По-видимому, Ерусалимский просил известного ленинградского историка В. И. Рутенбурга помочь М. К. Гринвальд в работе и взять на себя редактирование книги. В. И. Рутенбург с готовностью согласился.⁵⁰ 28 ноября 1961 г. М. К. Гринвальд сообщила А. Г. Чернову: «Мы с Виктором Ивановичем

отнесли вчера на почту и отправили в Москву “Очерки” Е. В. Тарле четырьмя бандеролями». Очень трогательно звучат ее слова в том же письме: «Я бы очень хотела получить (во временное пользование) пачку фотографий Е. В. Тарле для соответствующего оформления их в альбоме». ⁵¹ Неизвестно, был ли собран такой альбом, а книга Е. В. Тарле «Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XVI—середина XIX в.), составленная М. К. Гринвальд, вышла отдельным изданием в 1965 г. ⁵² М. К. Гринвальд также подготовила к печати статьи Е. В. Тарле «Пушкин как историк» и «Маццини и Гарибальди». ⁵³

В 1965 г., когда отмечалось 90-летие со дня рождения Е. В. Тарле, М. К. Гринвальд, по свидетельству очевидцев, присутствовала на юбилейном заседании, проходившем в Ленинграде в Малом конференц-зале Академии наук.

Маргарита Константиновна Гринвальд умерла 10 февраля 1968 г. в Ленинграде. ⁵⁴ По рассказу Д. П. Каллистова, переданному нам А. А. Фурсенко, ее отпевали в Никольском соборе.

Сохранился ли ее архив и где он находится, нам неизвестно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Константин Константинович Грюнвальд (Constantin de Grunwald) (1881–1976) — русско-французский журналист, автор многих книг на исторические темы. Окончил юридический факультет Петербургского университета, до революции служил в Министерстве торговли и промышленности, издавал «Материалы для изучения внешних торговых рынков». С 1919 г. в эмиграции, с 1921 г. в Париже, где состоял сотрудником многих русских газет и журналов. С середины 1930-х гг. начал писать по-французски, выпустил биографии многих русских императоров, а также книги о Меттернихе, Бисмарке и т. д. В 1945–1970 гг. К. К. Грюнвальд был постоянным автором просоветской парижской газеты «Русские новости». Со 2-й половины 1950-х гг. он несколько раз приезжал в СССР. Одна из его французских книг переведена на русский язык. См.: *Грюнвальд К. Франко-русские союзы*. М., 1968.

² *Grunwald C. de. Les nuits blanches de Saint-Petersbourg*. Paris, 1968. P. 11, 31–32.

³ Архив СПбГУ. Ф. 1. Личное дело М. К. Гринвальд. Л. 1, 7, 31.

⁴ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Д. 471. Л. 1–2.

⁵ См.: *Бергсон А. Время и свобода воли* / Пер. С. И. Гессена. С приложением статьи «Введение в метафизику» / Пер. М. Грюнвальд. М.; СПб., 1910. С. 195–238.

⁶ Сохранилось 13 коротких писем и открыток М. К. Гринвальд к М. А. Волошину за 1905–1914 гг. (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Д. 471).

⁷ См.: *Лукницкая В. К. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам архива семьи Лукницких*. Л., 1990. С. 88. В доме-музее Волошина в Коктебеле, как указывается в сборнике «Воспоминания о М. А. Волошине» (М., 1990. С. 714), сохранились очень краткие, на одной странице, воспоминания М. К. Гринвальд «Трудно говорить о человеке...».

⁸ РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5700. Л. 24–25.

⁹ *Гринвальд М. К.* 1) Мемуары Гельфериха // *Анналы*. 1922. № 1. С. 221–225; 2) Лансинг против Вильсона // Там же. 1922. № 2. С. 296–298; 3) Морская подготовка Англии пред мировую войною // Там же. 1923. № 3. С. 293–296; 4) Автобиография Марго Асквит // Там же. 1924. № 4. С. 225–234.

¹⁰ *Гринвальд М. К. Английская дипломатия за 25 лет (1892–1916)* // *Морской сборник*. 1926. № 8–9. С. 190–204.

¹¹ Из воспоминаний К. Гельфериха / Пер. с нем. М. К. Гринвальд. Пг., 1922. 62 с.; *Чернин О. В дни мировой войны* / Пер. с нем. М. Константиновой. М.; Пг., 1923. 296 с.

¹² *Шлидт Ш. Июньские дни 1848 г.* / Пер. с фр. М. К. Гринвальд. Л., 1927. 108 с. В списке трудов М. К. Гринвальд, составленном ею,

значится также перевод работы А. Матъеза по истории Французской революции, но нам не удалось идентифицировать это издание. Возможно, что перевод был опубликован под другой фамилией.

¹³ Лондон Дж. Маленькая хозяйка большого дома / Пер. М. К. Гринвальд. Л., 1925. 328 с.

¹⁴ См. воспоминания одной из видных участниц кружка: Штакельберг Н. С. Кружок молодых историков и «Академическое дело» / Публ., послесл. Б. В. Ананьича // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 19–86.

¹⁵ Там же. С. 36.

¹⁶ Там же. С. 37.

¹⁷ Там же. С. 40.

¹⁸ См.: Ананьич Б. В. О воспоминаниях Н. С. Штакельберг // Там же. С. 83.

¹⁹ Неизвестные письма российских ученых 20-х гг. / Публ. Я. Г. Рокитянского // Вестник АН СССР. 1991. № 1. С. 110.

²⁰ Ростов А. [Сигрист С. В.] Дело четырех академиков // Память: Ист. сб. Вып. 4. Париж, 1981. С. 477. Несмотря на позднейшую бесславную биографию С. В. Сигриста, который во время войны, оказавшись на оккупированной территории, стал видным коллаборационистом и нацистским пропагандистом, а позднее много лет скрывался за границей под различными псевдонимами (он умер в Италии в 1986 г.), у нас нет оснований не доверять этой информации.

²¹ Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания / Подгот. к печ. А. И. Добкин. М., 1992. С. 339.

²² См.: Leningrad / Transl. M. Grinwald. Leningrad, 1934. 62 p.; Detskoye Selo: Parks and Palaces / Transl. M. Grinwald. Leningrad, 1934. 62 p.

²³ Архив СПбГУ. Ф. 1. Личное дело М. К. Гринвальд. Л. 1, 7–8, 31, 45.

²⁴ РНБ. Ф. 1086. Д. 13. Л. 34 об.

²⁵ Начальник ленинградской милиции в первые послевоенные годы.

²⁶ РНБ. Ф. 1086. Д. 14. Л. 20–21.

²⁷ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 6. Д. 79. Passim.

²⁸ См.: Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981. С. 287, 320.

²⁹ Архив СПбГУ. Ф. 1. Личное дело М. К. Гринвальд. Л. 11 об.

³⁰ См.: Гринвальд М. К. Борьба либеральной партии против правительства Биконсфильда и внешняя политика Англии накануне и во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (до Сан-Стефанского договора): Тез. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛГУ, 1947. 3 с.

³¹ См.: Каганович Б. С. Е. В. Тарле: Новые разыскания // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 302–303.

³² Архив СПбГУ. Ф. 1. Личное дело М. К. Гринвальд. Л. 21.

³³ Там же. Л. 22, 23, 29.

³⁴ Там же. Л. 36, 39.

³⁵ Гринвальд М. К. Отношение либеральной партии к агрессивной и реакционной политике кабинета Дизраэли (Биконсфильда) на Ближнем Востоке в 1875–1878 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1951. 15 с.

³⁶ Архив СПбГУ. Ф. 1. Личное дело М. К. Гринвальд. Л. 37.

³⁷ Там же. Л. 45, 48.

³⁸ РНБ. Ф. 1086. Д. 20. Л. 12.

³⁹ Там же. Д. 23. Л. 8.

⁴⁰ Там же. Д. 28. Л. 45.

⁴¹ Они были знакомы по крайней мере с 20-х гг. См.: Лукницкий П. Н. Встречи с Анной Ахматовой. Париж, 1991–1997. Т. 1–2 (см. по указателю имен).

⁴² Там же. Д. 26. Л. 23–24.

⁴³ Штакельберг Н. С. Кружок молодых историков... С. 58.

⁴⁴ Жена Е. В. Тарле. Умерла 27 февраля 1955 г.

⁴⁴ Grunwald C. de. Les nuits blanches de Saint-Petersbourg. P. 237–238.

⁴⁵ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 6. Д. 62. Л. 37–39.

⁴⁶ Гринвальд М. К. Английские тексты для чтения. Методическое пособие. Л., 1957. 51 с.

⁴⁷ Grunwald C. de. Les nuits blanches de Saint-Petersbourg. P. 237–238.

⁴⁸ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 6. Д. 48. Л. 72. А. Л. Нарочницкий являлся в то время главным редактором журнала «Новая и новейшая история».

⁴⁹ Там же. Л. 73.

⁵⁰ См.: Каганович Б. С. Е. В. Тарле: Новые разыскания. С. 309–310.

⁵¹ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 6. Д. 48. Л. 92.

⁵² *Тарле Е. В.* Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XVI — середина XIX в.) / Сост. М. К. Гринвальд; Отв. ред. В. И. Рутенбург. М.; Л., 1965. 428 с.

⁵³ См.: *Тарле Е. В.* Пушкин как историк / Предисл. М. В. Нечкиной // *Новый мир.* 1965. № 9. С. 211–220.

⁵⁴ Справка отдела ЗАГС Выборгского р-на С.-Петербурга, полученная автором настоящей статьи 13 июля 2004 г.

Ю. С. Сулаберидзе

М. А. ПОЛИЕВКТОВ И ЕГО ЛИЧНЫЙ ФОНД В ЦЕНТРАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ АРХИВЕ ГРУЗИИ

Михаил Александрович Полиевктон (1872–1942) окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. До революции — доцент Петроградского университета, профессор Высших женских курсов. В 1917–1920 гг. — заведующий секцией в Едином Государственном архивном фонде. Был женат на Расудане Николаевне Николадзе, дочери известного грузинского ученого и общественного деятеля Николая Яковлевича Николадзе. В 1920 г. переехал в г. Тбилиси и с тех пор до самой смерти жил в Грузии. В 1920–1924 гг. — профессор Тбилисского университета, в 1925–1934 гг. работал в Государственном архиве Грузии. Таким образом, в жизни М. А. Полиевктова были два периода: петербургский и тбилисский. Прожив в Грузии многие годы, М. А. Полиевктон тем не менее часто называл себя «старым петербуржцем». К этому были веские основания, прежде всего, его тесная связь с петербургской исторической школой. М. А. Полиевктон был учеником С. Ф. Платонова и Г. В. Форстена. Он также слушал лекции и занимался в семинарах И. В. Гревса, А. С. Лаппо-Данилевского, В. И. Сергеевича. К числу своих учителей М. А. Полиевктон причислял и П. Г. Виноградова.

М. А. Полиевктон был близким другом А. Е. Преснякова. В недавно изданной переписке А. Е. Преснякова с родными, начиная с 27 марта 1894 г. многократно упоминается М. А. Полиевктон.¹

Научные интересы М. А. Полиевктова в конце XIX — начале XX в. были обращены на историю России, в частности, на историю внешней политики России в XVIII в. В рамках этой тематики он подготовил магистерскую диссертацию, опубликованную в виде монографии «Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1728)» (СПб., 1907). Много времени отдавая преподаванию, М. А. Полиевктон не оставлял исследовательских занятий. А. Е. Пресняков 19 сентября 1910 г. писал жене, что заходивший к нему в гости М. А. Полиевктон «в весьма рабочем настроении», что после статьи о Г. В. Форстене «примется за работу о русской торговой